

О ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ЛОПАРЕЙ

Вакончив изложение особенностей верований и быта самих жителей Лапландии, перейдем теперь к описанию животного и растительного мира страны, а также ее природы.

Прежде всего, остановимся на домашних животных, из которых одни не представляют ничего особенного, т.к. встречаются и в прочих странах, другие же не водятся нигде, кроме Лапландии. В свою очередь, в Лапландии вовсе нет лошадей, коров, овец и коз. Лошади совершенно бесполезны в этой стране, и поэтому лопари никогда не пользуются ими. Что же касается остального перечисленного нами крупного и мелкого рогатого скота, то коров, овец и коз лопари покупают иногда в Норвегии, но держат их при себе только летом, пользуясь их молоком, а на зиму режут ради их мяса и шерсти.

К характерным для Лапландии животным, и притом не встречающимся где-либо вне ее пределов, следует отнести в первую очередь северных оленей (*rangiferi*). Пейцер называл их буйволами (*tarandus*) по совершенно непонятной мне причине. В своем сочинении "*De dirinationuni generibus*" (О разных видах гаданий) он говорит следующее: "Они (лопари) не обрабатывают полей и не разводят никаких домашних животных, кроме буйволов (*tarandus*), которыми пользуются в качестве вьючного животного, в особенности зимой, когда вся страна покрывается толстым снежным покровом, а реки и озера сковываются льдом".

Но, конечно, всякий, кто задумал бы сравнить описанного Плинием буйвола с северным оленем, убедился бы, что между ними нет ничего общего. Буйвол, как известно, величиной с быка с гораздо более крупной головой, чем северный олень, и покрыт при этом довольно длинной шерстью разнообразных оттенков, напоминающей медвежью. Ничего подобного мы не видим в северном олене. Кто первым дал ему современное его название (*rengifer*) недостаточно ясно. Это был не Герберштейн, не Циглер и не Дамиан Гоен, т.к. все они называют оленей в своих сочинениях словами "*rhen*", "*reon*", "*rengi*". Вернее всего, что оно исходит от Олафа Магнуса, т.к. он приводит и кое-какое объяснение этому названию: "Северные олени (*rangiferi*), названы так по двоякой причине: во-первых, потому, что имеют на голове пару рогов, напоминающих ветви (*rami*) деревьев, во-вторых, от слова "*locha*" или "*gancha*", которым обозначается ярмо, надеваемое им на шею для прикрепления к нему в зимнее время саней". Это объяснение нельзя, однако, признать удовлетворительным. Если бы название оленей происходило действительно от их ветвистых рогов, то их называли бы *ramiferi* (*ramus* – ветвь, *fero* – несущу), т.е. *ramiferi* – ветвеносцы, тогда как речь идет о слове "*rangiferi*". То же самое можно сказать и относительно ярма (*gancha*), тем более, что мы старались доказать выше, ограничиваясь при этом лишь описанием мягкой и широкой петлей.

Вернее всего, пожалуй, предположить, что латинское название северного оленя *rangifer*, произошло от шведского слова *rengi*, *rangi*, употребляющегося наравне с более употребительным *rheen* для обозначения этого животного. Слово *rangi* или *gaengi* нелопарского происхождения, как ошибочно думают некоторые авторы, т.к. олень по-лопарски называется "*Herki*" или "*Puatze*".

Все прочие объяснения так же неудовлетворительны и фантастичны, как и Магнусово.

Как бы то ни было, но первое, хотя и беглое, описание северного оленя принадлежит Павлу Диакону, называемому также Варнефридом, жившему около 1270 г. от Р.Х., записавшему в своей "Истории Лангобардов" следующее по поводу скритофиннов: "У них часто встречается животное, близко напоминающее нашего оленя (*Scirigis* – благородный олень). Я видел одежду наподобие туники, доходившей до колен, сшитую из его мохнатой шкуры, которую, как мне говорили, носят скритобины (*Scritobini*).

Почти не возникает сомнения, что описанная Варнефридом одежда есть не что иное, как лопарская малица (*mudd*), сшитая из оленьей шкуры. А скритобины, которых он здесь говорит – предки нынешних лопарей, о чем мы уже упоминали неоднократно в предшествующих главах.

Герберштейн, Олаф Магнус и Дамиан Гоен, говоря о северном олене (*rangifer*), называют его часто просто оленем (*scirigis*), хотя между обыкновенным оленем и его северным собратом есть и существенная разница. Северный олень крупнее, что подтверждает и Олаф Магнус, говоря: "Это животное принадлежит к семейству оленей, но гораздо больше нашего". О том же говорит Джонстон, а также Герберштейн.

Так как многие другие писатели отрицают этот факт, то нелишне будет заметить, что следует отличать высоту животного от общей массы его тела. Благородные олени действительно бывают иногда более высокого роста, благодаря своему стройному сложению и длинным ногам, но в длину туловище северного оленя, а равно и величина его обыкновенно больше таковой благородного оленя.

К числу важных отличий относится и то, что северный олень, в противоположность благородному, имеет не двое, а трое рогов. "Кроме пары больших рогов, – констатирует Олаф Магнус, – растущих на том же месте, что и у обыкновенного оленя, у северного оленя есть еще рога поменьше, с более короткой ветвистостью по середине головы надо лбом, так что вся голова его со всех сторон снабжена рогами, которыми он с успехом пользуется для защиты от диких зверей, главным образом волков".

Многие не согласны и с этим, но, думается мне, только потому, что превратно истолковывают слова Магнуса. На самом деле у северного оленя, конечно, нет какого-то отдельного третьего рога, торчащего из лба, как изображал бестолковый иллюстратор, и Олаф имеет в виду со-

всем не это. Он хочет указать лишь на то, что у северного оленя действительно от двух главных рогов отходит вперед как бы отросток, менее ветвистый, образующий некоторое подобие третьего рога.

Правда, еще чаще бывает так, что от каждого из пары отклоненных назад рогов вперед отходит наклонно по одному ветвистому отростку и получается таким образом как бы четыре рога, из которых одна пара закинута назад, а другая низко над самым лбом выступает вперед, что особенно характерно для северных оленей.

Все сказанное нами об оленьих рогах относится только к самцам, т.к. у самок рога обыкновенно бывают меньшей величины и притом делятся на меньшее количество отростков и ветвей. "Самец олень, – замечает Торней, – имеет большие, раскидистые и ветвистые рога, а самка малые".

Рога оленей бывают часто покрыты особым пушком, хотя это по большей части заметно лишь тогда, когда они меняют их, т.е., сбросив старые, отращивают новые рога. "Весной, – говорит об этих молодых рогах Олаф Петерсон, – они начинают прорастать – мягкие, мохнатые, изнутри налитые кровью. К осени, выросши до обычных размеров, теряют покрывающий их пушок".

От благородного северный олень отличается еще более короткими и толстыми ногами, очень похожими на ноги коров. Копыта у них раздвоены и закруглены, как это бывает у быков. При ходьбе суставы конечностей довольно громко хрустят, напоминая звук, получающийся при раздавливании ореховой скорлупы, как удачно подметил Дамиан Гоен.

Олаф Магнус говорит, что этот хруст настолько отчетлив, что по нему даже издали можно догадаться о приближении животного.

Цветом северные олени тоже отличаются от обыкновенных: он чаще пепельно-серый с беловатыми подпалинами не только на животе, но также на боках и на холке. Этим северные олени больше напоминают ослов, чем оленей. Недаром Дамиан Гоен говорит: "По размеру и цвету они походят на осла". Олаф Магнус приписывает им еще и гриву наподобие лошадиной, но я не могу согласиться с ним.

У северных оленей, действительно, на нижней части шеи растет довольно длинная шерсть, так же как и у коз и козлов, но ее ни в коем случае нельзя сравнивать с конской гривой. При этом, будучи парнокопытным, северный олень не может быть назван жвачным животным.

К числу его анатомических особенностей следует отнести и то, что вместо желчного пузыря имеется у него только какой-то черный проток в печени, из которого выделяется жидкость, не обладающая свойственной обыкновенной желчи горечью.

Прилагаю к этому описанию сделанный мной самим с натуры рисунок (помещен в начале следующей главы. – Прим. ред.), изображающий северного оленя.

Северные олени по природе своей – дикие животные, и большие стада их и поныне дико бродят по лесам и болотам Лапландии. Лопари постепенно приручили их. "Вместо лошадей, – пишет Циглер, – они приручают животных, называемых у них Reen, т.е. олени". Потомство таких прирученных оленей вполне превращается в настоящих домашних животных, послушных и кротких. По всей Лапландии они мирно пасутся на пастбищах.

Кроме диких и домашних оленей попадает иногда еще третий вид, представляющий собой помесь дикого и домашнего животного. Как мы уже говорили выше, лопари, охотясь на диких зверей, нередко заманивают диких самцов, привязывая в лесу прирученную самку. Приплод ее в этом случае отличается несколько более крупным ростом и значительной выносливостью. Таких оленей лопари называют kattaigiag или reugach. Они особенно пригодны для дальних поездок на санях, хотя и сохраняют еще унаследованную долю дикости, будучи норовисты и злы, часто стараясь лягнуть сидящего в санях человека. Единственная защита от этого маневра заключается в том, чтобы быстро перевернуть в снегу сани и скрыться под ними, оставаясь там до тех пор, пока животное не утомится. О свирепости их говорят также И. Торней и С. Реен.

Случка оленей происходит обыкновенно осенью около Магвеева дня (21 сентября. – Прим. ред.). Мясо животных, убитых в это время, обладает неприятным запахом, напоминающим запах козла. Поэтому лопари избегают резать их в это время.

Самки оленей, которых лопари называют waiiag, вынашивают плод в течение 40 недель и телятся в мае, когда уже вновь, под влиянием солнечных лучей, появляется зеленая трава, которую они очень любят. Самка рождает только одного теленка, но вообще они довольно плодовиты: из сотни едва лишь десятков самок оказываются бесплодными. Их лопари называют Raone. Самки особенно хороши и сочны бывают осенью – во время течки. В это время обыкновенно лопари и режут их.

Отелившаяся самка кормит своего теленка молоком, все время оставаясь под открытым небом. Благодаря тому, что олени почти совсем не требуют за собой никакого ухода, большие стада не причиняют хозяину никаких забот. Каждый теленок знает свою матку, а матка теленка, притом не только узнает его в стаде, но даже и по голосу. "Телята постоянно бегают за матками, – отмечает Самуил Реен, – и переговариваются ржанием, так что даже в очень большом стаде матка и теленок всегда узнают друг друга; удивительнее всего, что иногда они узнают друг друга через два-три года".

Когда телята подрастут, их переводят на пастбища, где они щиплют траву, листья и мох. Телята бывают сперва рыжеватого-желтого цвета, а затем, после Якова дня (25 июля. – Прим. ред.), линяют и темнеют. Предельного роста они достигают лишь на четвертый год. Для каждого возраста у лопарей есть особое название: годовалый теленок называется Mees, двухгодовалый Orach, трехгодовалый Worsu, четырехгодовалый – Kosott и, наконец, дальше оленя зовут Namiloppin, т.е. безмянный, при этом, если это самец, то добавляют еще Higuas – по словам И. Торнея, или Herki – Самуила Реена.

Взрослый олень приучается к разным домашним работам; одни, называемые лопарями Vaiomhherki, идут в упряжку, другие – Dykamherki приспособляются для перевозки вьюков, причем для этой цели отбираются более покладистые животные. "Олень – кроткое и полезнейшее животное, – пишет Олаф Петерсон, – особенно холостенные самцы. Некастрированные животные более дики и норовисты".

Оленей холостят сразу по истечении первого года жизни. Это делается прямо зубами, как описывает Самуил Реен: "Оленей, которые предназначаются для домаш-

них работ, лопари холостят откусывая зубами кровеносные сосуды, идущие к половому члену, чтобы таким образом остановить его естественное развитие".

Остальные олени, остающиеся в стаде для приплода, называются у них *Servi*. На стадо в сто самок оставляют обыкновенно не более 20 самцов. Самки дают лопарям молоко, из которого затем готовят сыр. Оленей доят в равной мере и мужчины и женщины, становясь при этом на колени и держа в свободной руке деревянную посудину, в которую собирается удой. При доении самку иногда привязывают к дереву.

Доют оленей только раз в день, около 2 или 3 часов пополудни. Молоко, накапливающееся в остальное время суток, должно идти на кормление телят. Больше удои бывает у самок, кормящих теленка. При этом лопарями соблюдается правило, не выдаивать молока за один раз более полутора шведского штофа.

Оленьё молоко густо, жирно и очень питательно. Оно составляет существенную часть пищи лопарей. Молоко варят и делают из него сыр. Самуил Реен так описывает способ его приготовления: "Лопарки дают молоку свернуться, затем вычерпывают из котла сгусток плоской и наполняют им одну за другой шесть форм, которые ставят друг на друга, подержав их таким образом, затем переворачивают их, чтобы нижняя теперь оказалась сверху, и так, не отжимая совершенно руками, заставляют сыр отдавливаться сыворотку своей собственной тяжестью".

На каждый такой сыр идет молоко, полученное от десяти удоев; он представляет собою большой плоский круг толщиной в два пальца. "Сыр, приготовляемый лопарями из оленьего молока, – продолжает Самуил Реен, – необычайно жирен, т.к. ко времени его изготовления самки оленей дают очень жирное молоко, питаюсь сочной травой, растущей летом в горных долинах".

Несмотря на это, лопарям не удается получить масло из оленьего молока, хотя некоторые из них и пытались сбивать его. Вместо масла они употребляют нечто вроде сала, о чем мы уже говорили в главе, посвященной описанию пищи лопарей.

Лопари очень дорожат оленями, играющими такую существенную роль в их жизни, приискивая для них подходящие пастбища и защищая их от нападения диких зверей. "Они неусыпно стерегут своих оленей, – пишет Реен, – не спуская с них глаз ни днем, ни ночью, из боязни лесных хищников".

Для лучшей охраны оленей лопари пасут их со всеми своими чадами и домочадцами, следя за отбившимися от стада животными и загоняя их ко времени дойки в особые загоны, устраиваемые в лесистых местах и огораживаемые вбитыми в землю кольями с поперечными перекладинами на них. В безлесных горных местностях во время доения оленей привязывают к небольшим кольшкам, чтобы они стояли спокойнее.

Летом олени кормятся сочными травами, в изобилии покрывающими горные долины, листьями и молодыми побегами кустарников, в остальное время года щиплют особого рода белый мех, растущий повсеместно по лесам и горам Лапландии. Даже зимой, когда вся страна бывает занесена снегом, олени умудряются, разрывая снег копытами, добираться до этих своеобразных кормов.

"Пищей этим животным, – замечает Олаф Магнус, – служит горный мох белого цвета, в особенности зимой,

хотя он бывает покрыт в это время толстым слоем снега. Несмотря на это, олени, побуждаемые инстинктом, разрывают снег копытами и щиплют этот скудный корм. Летом они питаются зелеными листьями и побегами, которые щиплют на ходу или стоя, предпочитая их траве и цветам, к которым надо наклоняться, а делать это им мешает слишком выдающиеся вперед рога". Самуил Реен с удивлением отмечает, что, несмотря на скудную пищу зимой, состоящую почти исключительно из этого мха, именно в это время олени откармливаются и выглядят особенно хорошо. "Осенью и зимой, – пишет Олаф Петерсон, – олени выглядят очень хорошо и бывают покрыты гладкой мохнатой шерстью, зато весной имеют жалкий вид".

По-видимому, олени с трудом переносят летний зной, т.к. именно летом от них остается одна кожа да кости. Очень неустойчивы они также и в отношении к свойственным их виду заболеваниям; так что, когда падежом поражаются отдельные олени, он обязательно охватывает все стадо. "Среди оленей распространена одна заразная болезнь, напоминающая чуму, от которой часто вымирают до последнего оленя целые стада", – отмечает в своих записках Иоанн Бурей.

Впрочем, эти эпизоотии встречаются, к счастью, сравнительно редко. Зато другое заболевание, менее губительное, но также довольно мучительное, почти ежегодно поражает оленей. Олаф Петерсон так описывает это: "Обыкновенно с марта месяца в спине оленей заводятся черви, пробуравливающие затем кожу, которая, если еще намочнет от дождя, превращается в какое-то решето, что делает животное непригодным ни для какой работы".

Опасными врагами оленей являются также волки, хотя олени и защищаются от них рогами, но, во-первых, это не всегда спасает от хищника, а во-вторых, не следует забывать, что олени ежегодно меняют рога, сбрасывая как раз наиболее ветвистые и большие; новые же отрастают лишь постепенно. Насколько мне известно, олени защищаются от волков не столько рогами, сколько ногами и копытами, нанося ими могучие удары. В некоторых случаях, когда этому не препятствует слишком глубокий снег, они предпочитают спастись от волков бегством, пользуясь при этом изумительной быстротой своих ног.

Третья опасность заключается в том, что олени отбиваются от стада и, разбредаясь по лесу, смешиваются иногда с другими стадами. Чтобы иметь возможность опознать их и вернуть владельцу, лопари метят их особыми знаками на рогах или на ушах.

Олени, избегнувшие всех изложенных нами случайностей, умирают в возрасте около 12–13 лет.

Вот все, что мы намеревались сказать об оленях, этих единственных в своем роде животных, заменяющих одновременно лошадь, корову и овцу и дающих лопарям чуть ли не все, что им необходимо для жизни.

Благодаря этим удивительным качествам оленей, лопари, как уже было сказано, не разводят другого скота, а из домашних животных имеют еще лишь собак для охраны жилищ и стад, а также для охоты. "У лопарей мы встречаем лишь двух домашних животных, – пишет Олаф Петерсон, – охотничью собаку и оленя".